

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРИГОРОДА ИРКУТСКА

К.В. Григоричев

Иркутский государственный университет

kvg@isu.ru

В статье рассматривается трансформация экономического поля пригородов Иркутской агломерации, формирующихся в рамках субурбанизационной миграции. Автор анализирует причины изменений локальной экономики, связанные с появлением нового доминирующего агента в социальном пространстве пригорода.

Ключевые слова: социальное пространство пригорода, переселенцы из города, трансформация экономического поля.

Одной из наиболее заметных тенденций пространственного и социального развития западного Прибайкалья в 2000-е годы стало стремительное развитие пригородной зоны Иркутской агломерации, складывающейся преимущественно на землях прилегающего к областному центру Иркутского района. В течение всего семи-десяти лет здесь сложился обширный пояс субурбанизированного пространства, в котором на основе массовой миграции горожан на постоянное жительство в поселения сельского района сформировался качественно новый тип взаимодействия городского и сельского пространства¹. В отличие от

предшествующих вариантов проникновения горожан в пригородную зону, в формирующейся субурбии переселенцы из города не приспособляются к специфике социального пространства пригородных поселений, а, напротив, активно преобразуют его. Приходя в пригород как новый доминирующий агент, экс-горожане приносят с собой новые практики и стратегии адаптации, выстраивают качественно новые связи с городской средой и коренным населением, формируют новую структуру платежеспособного спроса, что проявляется в динамичных изменениях локальной экономики.

Подобные изменения порождают широкий спектр исследовательских вопросов. Приводит ли приток горожан в пригород, в качестве нового агента социального пространства, к изменению структурных характеристик экономического поля? Как эти из-

¹ Григоричев К. «Село городского типа»: Миграционные метаморфозы иркутских пригородов. В поисках теоретических инструментов анализа / К. Григоричев // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Отгиск, 2012. – С. 422–446; Григоричев К.В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации / К.В. Григоричев // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2011. – № 4/1 (72/1). – С. 53–59; Григоричев К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в

последней трети XX – начале XXI века / К.В. Григоричев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2012. – № 2(9). – Ч. 2. – С. 44–51.

менения проявляются в структуре локальной экономики и ее характере? Какие секторы экономики пригорода включаются в ее новый режим (если таковой формируется) и связаны ли эти трансформации с динамикой социальных статусов?

К концу 1990-х годов экономика Иркутских пригородов представляла собой довольно типичную картину развития сельских районов юга Иркутской области. Сельскохозяйственная деятельность почти полностью исчерпывалась деятельностью нескольких крупных хозяйств, основные угодья которых тяготели к периферии района, немногочисленных фермеров, полулегальных «китайских теплиц», подсобных хозяйств местных жителей, садоводческих кооперативов и товариществ. Значительная часть сельхозугодий, обработывавшихся в советскую эпоху, оказались заброшенными, а реальное сельскохозяйственное производство, ориентированное на обслуживание областного центра и прилегающих территорий области, было вытеснено на периферию Иркутской агломерации на расстояние 40–80 км от областного центра.

Немногочисленные крупные предприятия, базирующиеся в пригородных поселениях (например, одна из крупнейших геологических организаций региона «Сосновгеология» – Байкальский филиал Государственного федерального унитарного геологического предприятия «Урангеологоразведка»), выступали для поселений более благодетелями, чем налогоплательщикам, поскольку основные налоги уплачивали в вышестоящие бюджеты, а в развитии поселений видели задачу скорее обеспечения собственных сотрудников, нежели поддержку территории. Сфера обслуживания вполне соответствовала положению «кол-

хозной усадьбы», представляя минимальный набор услуг, удовлетворить которые в домашних условиях сложно или дорого. Приметами рыночного времени были лишь немногочисленные сервисы обслуживания транзитного потока по основным автодорогам, идущим из областного центра, и мелкая частная торговля, ориентированная на горожан-дачников.

В результате к началу массового движения горожан в пригород экономика Иркутского района и его пригородной зоны в целом носила типичный для сельских муниципалитетов характер. Исключение представляли собой поселения с большим числом садоводческих товариществ (Марковское, Ушаковское и ряд других) и расположенный на побережье оз. Байкал, являвшегося основной точкой краткосрочного туризма, поселок Листвянка. Длительная сельскохозяйственная специализация сформировала устойчивый образ района, который доминирует во властном дискурсе и региональных СМИ и после начала интенсивной субурбанизации.

Качественные изменения в жизни пригорода, начавшиеся с массовым притоком горожан в 2000-е, сразу же сказались и на местной экономике. Новые жители пригорода принесли с собой массу моделей мелкого предпринимательства, прошедших испытания в условиях экономики крупного города с ее жесткими формальными и неформальными отношениями. В условиях заметно менее формализованной жизни пригородных поселений эти модели закономерно стали развиваться по пути наименьшего сопротивления и наибольшей выгоды, все более расширяя спектр неформальных деловых практик. В результате поле экономики пригорода, втягиваясь в сферу интересов города и горожан, стало

довольно быстро расширяться за счет неформального сектора.

Оговорюсь, что неформальная экономика пригорода мною понимается по А. Портесу – как тип хозяйства, противопоставленный «формальному» и «криминальному» и предполагающий незаконный процесс производства или распределения и законный конечный продукт². Соответственно, я не рассматриваю здесь противозаконные экономические практики, связанные с производством товаров и услуг криминального характера. Таковые, вероятно, имеют место в пригородном пространстве так же, как в городском и сельском, и, возможно, имеют некоторую специфику, но все же не включены в повседневность большей части сообщества.

Интенсивное освоение горожанами пригорода привело не только к дифференциации локальной экономики, но и к повышению степени неоднородности ее территориальной структуры. Сотрудниками администрации района вполне отчетливо выделяются три пространственных «зон» экономической специализации, две из которых определяются по преобладающей сфере деятельности («сельскохозяйственная» и «рекреационная»), а третья прямо обозначается как «пригородная». Критерием, позволяющим выделять «пригородную» зону в экономике Иркутского района, является высокая доля торговли и сферы услуг, обеспечивающая заметно более высокий денежный оборот.

Пригородная специализация экономики, очевидно, задается массовым притоком населения, работающего в городе и ори-

ентированного на приобретение, а не на производство продуктов питания. Это обуславливает рост платежеспособного спроса и стимулирует расширение сети торговых заведений: при всей неполноте статистических данных они тем не менее отчетливо подтверждают обозначенный тренд. Основной рост приходится на неспециализированные продовольственные магазины, являющиеся в подавляющем большинстве случаев предприятиями мелкого бизнеса и индивидуальных предпринимателей. Таким образом, развитие торговли как ведущей отрасли пригородной экономики маркирует пространство пригорода, задавая его отличие от прочей территории района. Специфика экономики пригорода определяется не только изменением соотношения новых (торговля и услуги) и традиционных (сельское хозяйство) отраслей, но и прямым вытеснением последних за пределы пригородной зоны в результате расширения жилищной застройки и изменения структуры населения.

Смена ведущей отрасли и основного потребителя обуславливает и изменение системы связей локальной экономики и основных векторов транзакций. Сельскохозяйственное производство в районе опирается на локальные ресурсы, а вектор транзакций направлен из села в город (и территориально, и структурно). Пригородная экономика в качестве ресурсной базы имеет город (как поставщика товаров), а основные цепочки транзакций имеют полярное направление: из города в пригород. Собственное локальное производство в них почти не включается, вытесняясь в сферу частного неформального потребления.

Вместе с тем преимущественное включение пригородной экономики в систему взаимодействия с областным центром

---

² Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 307.

не означает прямого распространения городских моделей организации бизнеса, и в частности торговли. Специфика распределения населения, удаленность значительной части населенных пунктов от крупных торговых центров обуславливают опережающее развитие сети магазинов шаговой доступности. Иными словами, в отличие от областного центра здесь активно развивается сеть мелкого бизнеса, с одной стороны, обеспечивающего структурирование и закрепление освоенного пространства, а с другой – открывающего широкий спектр возможностей для локальной экономики.

Вместе с горожанами в пригородные поселения пришли специфические экономические практики снижения расходов на приобретение товаров, выработанные в городском сообществе. Одной из них является механизм совместных покупок (коллективные закупки товаров по мелкооптовым ценам), быстро развивающийся в областном центре в 2010–2013 годах. Выработанная до переезда в пригород система связей, отношений и репутаций используется горожанами здесь как часть социального (партнерские связи) и символического (репутация) капитала³ агента экономического поля социального пространства пригорода.

Однако и эта типовая для города практика здесь модифицируется, дополняется новой транзакцией, связанной возможностью дополнительного дохода от ведущейся деятельности. Продление цепи транзакций здесь служит не только инструментом связи («сцепления») смежных организационных полей⁴, но и одним из

конкретных механизмов функционирования транслокального пространства. Через практику совместных закупок в пригороде выстраивается связь города не с сельским пространством или с региональной периферией, а именно с пригородным сообществом, включенным в эту сферу деятельности города. Включенность социального пространства пригорода в городскую повседневность в этом случае реализуется и в физическом пространстве: завершение цепочки транзакций в этой схеме (получение товара покупателем) происходит в городе. При всем неудобстве этой схемы жители пригородных поселений вне сомнения имеют больше возможностей для участия в подобной форме покупок, нежели жители поселений, не включенных в зону пригородной транслокальности.

Второй важной составляющей пригородной экономики становится сфера обслуживания. Высокая деловая активность здесь хорошо прослеживается по коммерческим объявлениям (в локальных печатных СМИ и интернет-ресурсах). Наиболее динамично развивающимися сегментами сферы услуг в пригородной зоне в последние годы стали ремонтные и отделочные работы, услуги в сфере образования, здоровья и красоты, ремонт офисной и бытовой техники. Первый из названных комплексов услуг, очевидно, связан с массовым жилищным строительством в пригородных поселениях. Развитие остальных диктуется растущим спросом со стороны переселенцев из города, принесящих с собой не только нетрадиционные для села элементы быта, но и спрос на их обслуживание. В этом смысле механизм формирования этой отрасли (сфера услуг) близок к процессу формирования торговли как ведущего элемента пригородной экономики.

³ Бурдые П. Поле экономики / Социальное пространство: поля и практики. – М.; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 137–138.

⁴ Радаев В.В. Рынок как цепь обменов между организационными полями // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 32–33.

Вместе с тем сопоставление деловой активности в сфере услуг, фиксируемой по коммерческим объявлениям и интервью, и данных статистики демонстрирует преимущественно неформальный («серый») характер развития мелкого бизнеса в этой сфере. При значительном увеличении числа «объектов бытового обслуживания» за 2006–2011 годы, по данным муниципальной статистики, их количество, зафиксированное в паспортах муниципальных образований, явно не соответствует уровню деловой активности в этой сфере в пригородных поселениях. Даже учитывая динамичность рекламных ресурсов и вероятную неактуальность части коммерческих объявлений, деловая активность в пригородной зоне в сфере обслуживания очевидно намного выше, чем фиксируется статистикой.

Основная причина столь разного характера развития двух отраслей экономики, возникновение которых имеет общие причины и условия, – прежде всего различия в специфике деятельности. Торговля почти невозможна без специализированного помещения, размещения в нем торгового оборудования, что обуславливает необходимость регистрации бизнеса. Использование широкой рекламы, в том числе наружной, также стимулирует развитие торгового бизнеса в «белой части» спектра деловой активности. Сфера же услуг оказывается значительно гибче и зачастую позволяет вести дело на дому у себя или клиента, не привязывая его к специализированному помещению, и, соответственно, предоставляет значительно больше возможностей для реализации деловой активности в сфере неформальной экономики.

Значительное число представителей мелкого бизнеса (индивидуальные пред-

приниматели) оставляет большую часть своего бизнеса в «тени». Масштабное жилищное строительство ведется наемными бригадами, которые независимо от состава (местные или мигрантские) предпочитают вести бизнес через неформальные схемы. В тех случаях, когда строительство ведется через зарегистрированную фирму, широко распространена практика неформальных соглашений с заказчиком либо проведение через бухгалтерский учет неполной суммы контракта. Фактически это сохраняет эту деятельность в сфере неформальной экономики, лишь смещая ее в «скрываемый»⁵ сегмент.

В сфере обслуживания же наиболее высок спрос на услуги по временному содержанию и воспитанию детей-дошкольников. Масштабный приток молодого населения на фоне традиционной для села образовательной инфраструктуры породил высокий спрос на подобные услуги, что обеспечивает рентабельность такого бизнеса. Проблема обеспечения детскими садами в пригороде стоит острее, чем в любом ином сельском муниципальном районе, и перспектив для ее разрешения районные власти пока не видят.

Это создает, с одной стороны, предпосылки для использования переселенцами городского ресурса (посещение детских садов в областном центре), а с другой – для быстрого развития сферы услуг по присмотру за детьми. Деятельность в рамках этого сектора ориентирована, прежде всего, на переселенцев из города, как, во-первых, платежеспособных потребителей, а во-вторых – аудиторно, не имеющую альтернативных способов решения проблемы присмотра за детьми.

---

⁵ Радаев В.В. Экономическая социология. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 179.

В формирующемся секторе услуг присмотра за детьми складываются два взаимосвязанных, но все же разных сегмента, отличающихся наличием бизнес-ориентированной модели. В первом случае подобные услуги не являются самостоятельной бизнес-моделью и оказываются скорее в качестве «помощи» соседям и знакомым, как практика, заимствованная из сельской среды. В отличие от традиционной сельской модели плата все же взимается, однако ее размер определяется лишь условной себестоимостью услуги. Это скорее коллективное решение проблемы, чем способ заработка.

Второй сегмент связан с присмотром за детьми как предпринимательской деятельностью, направленной на получение прибыли. Реализация услуг в этом случае производится практически в тех же условиях, что и в описанном выше сегменте, с той разницей, что «предприниматель», как правило, не связывает свою деятельность с собственной семейной ситуацией и обязательствами перед ближайшими партнерами своих социальных сетей. Услуга оказывается полностью на коммерческой основе, а цены на нее полностью сопоставимы с областным центром и достигают 10–12 тыс. руб. в месяц.

Взаимосвязь обозначенных сегментов сферы услуг по присмотру за детьми реализуются как через потребление, так и через удовлетворение спроса. «Соседский» присмотр чаще используется при возможности оставлять детей на неполный день и достаточной укорененности в сообществе, что обеспечивает достаточные социальные связи на новом месте жительства. Нередко подобная модель используется как дополнительная к основной (муниципальный или частный детский сад в селе или в го-

роде) в случаях, когда посещение основного детского учреждения невозможно в течение нескольких дней. Такая форма присмотра за детьми в ряде случаев перерастает в бизнес-модель: наработанные практики и выработанные связи с потенциальными потребителями подталкивают к попытке построить предпринимательское «дело» на их основе.

Второе, что, безусловно, объединяет оба описанных сегмента, – это неформальный характер их оказания. В обоих описываемых случаях оформления статуса индивидуального предпринимателя и тем более «открытия» юридического лица не происходит, что связано не только с уклонением от налогообложения, но и с уходом от широкого спектра требований, предъявляемых к детским дошкольным учреждениям.

Спрос на подобные услуги чрезвычайно широк, что обеспечивает их динамичное развитие. Конкуренция со стороны муниципальных дошкольных учреждений почти не затрагивает формирующийся частный сектор услуг по присмотру за детьми в силу значительного неудовлетворенного спроса. Возрастная структура населения и продолжающийся массовый приток переселенцев из города обеспечивают долговременность и устойчивость этого рынка. Неширокий спектр дополнительных услуг, которые оказываются в рамках такого предпринимательства (специальные развивающие занятия в большинстве случаев отсутствуют – это именно присмотр за детьми), слабая материальная база в этих условиях не являются достаточными факторами, которые могут в ближайшее время ограничить развитие подобных услуг. Более того, большинство муниципальных детских учреждений в силу устаревшей материальной базы и низкой оплаты труда сотрудни-

ков также не могут оказать дополнительных услуг даже при наличии платежеспособного спроса.

В результате в последние годы в пригородных поселениях в сфере «дошкольного образования», традиционно для муниципалитетов (по крайней мере, сельских) являющейся одним из самых проблемных «бюджетных секторов», постепенно формируется вполне рыночный сегмент. Его масштабы оценить крайне сложно, однако, по крайней мере для новых поселений пригорода, он рассматривается районными властями едва ли не как единственное средство решения острой социальной проблемы.

Появление подобного рыночного сегмента означает, с одной стороны, возможность некоторого облегчения «социального бремени» муниципалитетов, а с другой – утрату их администрациями монополии на подобные услуги, а значит, и части механизма господства в отношении с местным сообществом. Однако инструментов, позволяющих сдерживать этот процесс, у местной власти фактически не остается, а в условиях необходимости решения социальной проблемы, обозначенной как на региональном, так и на федеральном уровне, интереса к ограничению роста этой сферы локального рынка у муниципальных администраций обеих уровней нет.

Однако и эта сфера не уникальна. Специфика габитуса новых жителей пригорода обуславливает массовый и дифференцированный спрос, который с учетом городской занятости и общего уровня жизни в районе является высокоплатежеспособным. Специфический характер повседневности, организации жилого пространства и внерабочего времени стимулирует развитие услуг, ранее не типичных для пригорода: «модельный» пошив штор, услуги флориста, кру-

госуточная автомойка с предварительной записью, компьютерный клуб, дрессировка служебных собак и т. д. Таким образом, экс-горожане и трансграничные мигранты, выступая доминирующими агентами, создают специфику спроса и предложения в пригородном пространстве, формируя структуру его экономического поля, «которое существует лишь посредством агентов, находящихся в нем и деформирующих окружающее их пространство, придавая ему определенную структуру»⁶.

Принципиально, что деятельность всех названных бизнесов ориентирована, прежде всего, на местное сообщество, являющееся основным потребителем этих услуг. Большинство объектов сферы услуг расположено вне основных автодорог, проходящих через пригородные населенные пункты, что исключает эффективное обслуживание транзитных потоков и предопределяет ориентацию на местного потребителя. Услуги же, оказываемые неформально, через рекламу «person to person» («р2р»), не могут быть ориентированы на внешних потребителей по определению.

Заметная часть мелкого бизнеса приходит в пригородные поселения вместе с переселенцами, а не создается на месте. Частично это перенос деятельности на новое место, частично – эксплуатация официального статуса (зарегистрированное юридическое лицо или индивидуальный предприниматель), не использовавшегося ранее. В обоих случаях это подобная практика становится инструментом неформальной экономики пригорода, не фиксируемой статистикой.

Такая ситуация становится одним из важных факторов роста неформальной экономики пригородного пространства

---

⁶ Бурдые П. Поле экономики... С. 137.

как в структуре, так и в системе регулирования. Примечательно, что рост происходит и в секторе «неучтенной» экономики (не только экономическая деятельность домохозяйств, традиционная для «коренного» населения пригорода, но и бизнес, зарегистрированный вне пригородных поселений), и в секторе экономики «скрываемой» (теневая деятельность предприятий, прежде всего – уход от налогов)⁷. Важнейшим фактором этого процесса является позиция местных (поселенческих) администраций, активно использующих систему неформальных практик в отношениях с местным бизнесом.

Местная власть (администрация поселений), понимая специфику местной ситуации («пусть встанут на ноги»), «идет навстречу» предпринимателям, принимает теневой («серый») характер такой деятельности. Интерес местной власти вполне понятен: это и способ создания благоприятных условий для развития мелкого бизнеса, и путь решения комплекса социальных проблем, которые иным способом решить сложно, а зачастую и невозможно (например, обеспечение детскими садами). Однако важнейшей причиной готовности местной власти к неформальному характеру развития локальной экономики, на мой взгляд, является незаинтересованность сельских администраций в легализации бизнеса на своей территории. Перевод бизнеса в «белый» режим автоматически приводит к росту налоговой базы и повышению доли собственных доходов в бюджете поселений. Но заметного увеличения бюджета поселений это не дает, поскольку рост собственных доходов приводит, по наблюдениям сотрудников муниципаль-

ных администраций, к непропорциональному сокращению субсидий из вышестоящих бюджетов.

Такая позиция власти способствует тому, что значительная часть бизнес-практик и связанных с экономикой властных практик оказывается за пределами правового регулирования. Здесь и отношения предпринимателя с клиентами, выстраиваемые не на формальном договоре, но на базе соседских отношений, и практики ухода от ограничений в том или ином виде бизнеса (например, переименование службы такси в организацию по оказанию «услуг перевозки» для обхода Закона о такси с осени 2011 г.). Возрождается практика «взаимозачетов» между местной властью и мелким бизнесом, основанная на торговле лояльностью администрации. Наконец, едва ли не самым ярким примером подобных практик становится участие местной власти в неформальной экономике через использование труда «серых» трудовых мигрантов⁸.

Поскольку локальный рынок (прежде всего, рынка труда) находится в стадии формирования и в значительной мере имеет полуполегалный, «серый» характер, вхождение в него трансграничных мигрантов происходит заметно менее конфликтно, чем в городе. Они приходят в пригород не как конкуренты, вытесняющие местное население через демпинг и/или иные методы «нечестной» конкуренции. Мигранты приходят на новые, только формирующиеся рынки труда – до активной экспансии города в пригород массового строительства жилья здесь просто не было.

Неформальный характер занятости, не обеспечивающий социальных гарантий

⁷ Радаев В.В. Экономическая социология. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 179–180.

⁸ Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. – 2010. – № 2. – С. 273–274.

(гарантированной оплаты, нормированного графика и выходных, оплаты больничного), оказывается малопривлекательным для квалифицированного «коренного» населения. Напротив, для «таджиков» именно такой способ участия в локальной экономике является предпочтительным, что обуславливает их доминирование в самом широком секторе неформальной экономики пригорода. Однако здесь они не замещают вакансии, занятые ранее местными рабочими, но конкурируют с ними за новые рабочие места. Это означает, что негативного воздействия иностранных мигрантов на локальный рынок труда не происходит. Напротив, в рассматриваемом пространстве иркутских пригородов приход мигрантов был связан не с сужением локального рынка труда, а, напротив, с его быстрым ростом. Не случайно аналитики УФМС по Иркутской области констатируют: «Тенденция зависимости между уровнем безработицы и давлением иностранной рабочей силы на внутриобластной рынок труда отсутствует»⁹.

Более того, поскольку «таджики» приходят вместе с горожанами, практики взаимодействия с которыми выстроены достаточно давно и успешно, то мигранты оказываются на этом новом рынке труда раньше, нежели местное население. И конкурировать с иностранными рабочими местному населению довольно сложно. Ситуация усугубляется еще и тем, что со стороны нового населения пригорода (выходцев из города) формируется спрос не про-

сто на строительные, например, услуги, а на «услуги таджиков». Спрос, обусловленный не только, а иногда и не столько низкой стоимостью таких услуг, но всем спектром характеристик и выполняемых работ, и их исполнителей. Это не просто покупка труда «таджика», а скорее комплекс практик взаимодействия с иностранными мигрантами, предполагающий возможность использования их не только в собственно строительстве, но и в широком спектре работ: от машиниста сложной техники до сторожа и «работника при доме».

Особое значение приобретает включение в локальную экономику «китайских теплиц» как специфического агента экономического поля. Участвуя в пригородной экономике не напрямую, мигрантские тепличные хозяйства тем не менее включаются в нее как работодатель (для люмпенизированных слоев населения и узких специалистов) и в качестве «спонсоров» в отношениях с местной властью. Кроме того, побочным продуктом деятельности теплиц стало формирование мелкого торгового бизнеса «коренного» населения в формате «пригородного рынка». Основанная на перепродаже продукции «китайских теплиц», такая торговля опирается на традиционный «бренд» экологически чистых продуктов, выращенных на приусадебных участках.

Появление в пригородной зоне переселенцев из города в качестве доминирующего социального агента обусловило качественные изменения экономического поля пригорода. В новой конфигурации диспозиций прежние влиятельные агенты (крупные сельскохозяйственные производители и фермеры) утрачивают доминирующий статус и вытесняются на периферию не только социального, но и физического пространства. В результате формируют-

⁹ Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Иркутской области по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе // Официальный сайт УФМС по Иркутской области (Электронный ресурс) URL: http://ufms.irkutsk.ru/spining/files/files/oapik/oapik_an_obz_2010.doc

ся прямая проекция нового социального пространства на пространство физическое, объективированная в структурных и количественных различиях экономики пригорода и остальной территории района. Не отраженная в официальной статистике, зона пригородной экономики тем не менее рефлексирована властью по структурным характеристикам и объему, резко отличающим ее от сельскохозяйственной и рекреационной специализации периферийной части муниципального района.

Новизна социального пространства пригорода, продолжающийся процесс его формирования обуславливают отсутствие в экономическом поле крупных агентов, которые могли бы выработать и зафиксировать неприемлемые для мелкого бизнеса правила игры, установив высокий порог вхождения в это поле. Последний мог стать непреодолимым для мелкого бизнеса как нового агента, не обладающего значительным экономическим капиталом и опирающегося в большей степени на капитал социальный (как это произошло в городской экономике в сфере строительного бизнеса). Более того, специфика спроса и социальных условий реализации локального спроса способствуют вытеснению (возможно, временному) крупного бизнеса за пределы пригородного пространства на периферию прилегающего к областному центру района. В этих условиях экономика пригорода развивается преимущественно за счет мелкого бизнеса, действующего в сфере обслуживания и функционирующего в неформальном секторе.

Новые агенты и новая конфигурация отношений между ними и традиционными социальными агентами пригорода формируют нетипичную для внегородского пространства структуру локального рынка че-

рез возникновение новой структуры спроса (горожане) и расширения спектра предложения (трансграничные мигранты). Подобная трансформация затрагивает и «домашний» сектор экономики, в котором все большее значение приобретает потребляющее, а не производящее хозяйство.

Неинституционализированность пригородного пространства в условиях жесткого вертикального регулирования создает благоприятные условия для развития неформального сектора локальной экономики. Этому способствует как статус основных агентов, определяющих конфигурацию диспозиций (переселенцы из города и иностранные мигранты), так и система отношений между властными структурами, действующими в пригородном пространстве. Специфика формирования бюджетов муниципалитетов определяет незаинтересованность муниципальных администраций (как районной, так и поселенческих) в легализации деловой активности. Вследствие этого значительная часть деловой активности в пригороде уходит в скрываемый сектор неформальной экономики. Преобладающим способом деятельности здесь становится симбиоз всех трех форм неформальной экономики, выделенных А. Портесом, М. Кастеллом и Л. Бентоном, включая и способ выживания, и зависимую эксплуатацию, и способ роста¹⁰. Развитие теневой сферы включает и прямую продажу услуг и произведенных товаров, и теневую наем, и мобилизацию сетевых связей для накопления ресурсов.

¹⁰ Portes A., Castells M., Benton L. The Policy Implications of Informality // The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. – Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1989. – P. 298–311. Цит по: Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы... – С. 308.

В результате экономическое пространство пригорода, четко выделяемое представителями местного сообщества и власти по ряду неформальных маркеров (в том числе и визуальных), в статистических материалах экономическое пространство не обособляется от остальной части муниципального района. Как следствие, информационно-документальной базы для специального подхода в управлении к пригородным поселениям не складывается. Иными словами, неинституализированность пригорода определяет невидимость для власти (регионального уровня и выше) пригородного социального пространства и его экономического поля. Это обуславливает преобладание неформальной экономики, что, в свою очередь, определяет специфику развития системы отношений местного сообщества с властью.

Литература

Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Иркутской области по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе // Официальный сайт УФМС по Иркутской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ufms.irkutsk.ru/spining.files/files/oapik/oapik_an_obz_2010.doc

Бурдые П. Поле экономики / П. Бурдые // Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 129–176.

Григоричев К. «Село городского типа»: Миграционные метаморфозы иркутских приго-

родов. В поисках теоретических инструментов анализа / К. Григоричев // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 422–446.

Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. – 2010. – № 2. – С. 273–274.

Григоричев К.В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации / К.В. Григоричев // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2011. – № 4/1 (72/1). – С. 53–59.

Григоричев К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI века / К.В. Григоричев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2012. – № 2(9). – Ч. 2. – С. 44–51.

Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы / А. Портес // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 303–339.

Радаев В.В. Рынок как цепь обменов между организационным и полями / В.В. Радаев // Экономическая социология, 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 13–36.

Радаев В.В. Экономическая социология / В.В. Радаев. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 603 с.

Portes A., Castells M., Benton L. The Policy Implications of Informality // The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. – Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1989. – P. 298–311. Цит по: Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы... – С. 308.